

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 316.454.5+316.732
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241>

Поступила в редакцию 20.02.2025
Received 20.02.2025

Е. Н. Квилинкова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы,
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР
ЧЕРЕЗ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» – «ДРУГОЙ»**

Аннотация. Впервые в этнологической науке исследуются вопросы этнокультурной идентичности «белорусских татар» на современном этапе и восприятие ими других татар, как проживающих в Республике Беларусь, так и других странах. В Беларуси живут две общности татар, по отношению к которым автор использует следующие понятия: «белорусские татары» (местные татары – потомки татар Великого Княжества Литовского) и «татары Беларуси» («татары диаспоры», переселившиеся в Беларусь в советский и постсоветский периоды). Особенности этнокультурной идентичности белорусских татар, выявленные автором через содержание образов «Свой» – «Другой» и понятий «родина» и «историческая родина», составляют новизну исследования.

Работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2021–2025 гг. у представителей двух общностей татар, живущих в Беларуси. Данные проведенного опроса впервые вводятся в научный оборот. Автором использовались следующие методы исследования: опрос в форме глубинного автобиографического интервью, экспертные интервью и др.

Делается вывод о том, что в основе этнорегиональной общности «белорусские татары» находятся языковые, культурные и другие особенности. По этнокультурному признаку в категорию «Свой» респонденты включают прежде всего «белорусских татар», затем «литовских» и «польских татар», а также белорусов. Другие татары воспринимаются ими более дистанцированно. В сложившихся условиях такие этнокультурные маркеры, как этнический язык и традиционная обрядность играют не консолидирующую, а дезинтегрирующую роль.

Ключевые слова: «белорусские татары», «татары диаспоры», идентичность, этнокультурный феномен

Для цитирования: Квилинкова, Е. Н. Особенности этнокультурной идентичности белорусских татар через содержание образов «Свой» – «Другой» / Е. Н. Квилинкова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 230–241. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241>

Elizaveta N. Kvilinkova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**FEATURES OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF BELARUSIAN TATARS THROUGH
THE CONTENT OF THE IMAGES OF “OWN” – “OTHER”**

Abstract. This article is the first in ethnological science to examine the issues of ethnocultural identity of “Belarusian Tatars” at the present stage and their perception of other Tatars, both those living in the Republic of Belarus and in other countries. There are two Tatar communities living in Belarus, in relation to whom the author uses the following concepts: “Belarusian Tatars” (local Tatars – descendants of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania) and “Tatars of Belarus” (Tatars of the diaspora who moved to Belarus in the Soviet and post-Soviet periods). The peculiarities of the ethnocultural identity of the “Belarusian Tatars” are considered through the content of the images of “Oneself” – “Another” and the concepts of “homeland” and “historical homeland”. The author’s study of the peculiarities of the ethnocultural identity of Belarusian Tatars through the content of the images of “Own” – “Other” and the concepts of “homeland” and “historical homeland” also constitutes the novelty of the study.

The work is based on the author’s field materials collected in 2021–2025 from representatives of two Tatar groups living in Belarus. In this article, survey data are introduced into scientific circulation for the first time. The author used qualitative research methods (a survey in the form of an in-depth autobiographical interview, expert interviews, etc.).

It is concluded that the ethnoregional community of “Belarusian Tatars” is based on linguistic, cultural and other characteristics. According to the ethnocultural criterion, respondents include in the category “Ours” first of all “Belarusian Tatars”, then “Lithuanian” and “Polish Tatars”, as well as Belarusians. Other Tatars are perceived by them in a more distant way. In the current conditions, such ethnocultural markers as ethnic language and traditional rituals play a disintegrating rather than a consolidating role.

Keywords: “Belarusian Tatars”, “Tatars of the diaspora”, identity, ethnocultural phenomenon

For citation: Kvilinkova E. N. Features of ethnocultural identity of Belarusian Tatars through the content of the images of “Own” – “Other”. *Vestsi Natsyyanal'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 3, pp. 230–241 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241>

Введение. В национальном составе населения Республики Беларусь татарская общность занимает седьмое место. Согласно последней переписи населения за 2019 г., их численность составляла 8445 человек. Живущие здесь татары объединены религиозной принадлежностью (мусульмане сунниты) и этнонимом, но подразделяются на две отдельные общности: «*белорусские татары*» (местные татары – потомки татар Великого Княжества Литовского) и «*татары Беларуси*» (татары, переселившиеся в Беларусь в советский и постсоветский периоды). Если вторая общность татар относится к новым диаспорам, то так называемые «литовские татары» представляют собой этнокультурный феномен.

В связи с используемой терминологией следует отметить, что для обозначения потомков татар Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) исследователи употребляют различные термины, которые отражают исторические или современные наименования государств – территорий их проживания: «литовские татары» (турецкий эквивалент – «лїпки» – считается анахронизмом, вытесненным из употребления); «польско-литовские татары»; развернутое (объединяющее все группы), но громоздкое определение – «белорусско-польско-литовские татары», а также современные их названия – «белорусские татары», «польские татары», «литовские татары».

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность вопроса о том, считать ли эту общность татар этнической группой или самостоятельным этносом, основная часть исследователей рассматривает их как «отдельную группу тюрко-татарского племени на равных правах с татарами волжскими и крымскими» [1]; «самобытный народ», одной из характерных черт которого, отличающей его от всех других татар (крымских, сибирских, волжских), является «славяноязычие» [3, с. 4]; часть татарского суперэтноса, или «составная часть суперэтнической тюрко-татарской общности (на таких же началах, как поволжские татары, крымские татары и сибирские татары) [11].

Формирование этноса «литовские татары», происходившее на территории ВКЛ, продолжалось на основе общности территориальной, религиозной, культурной и языковой (славяноязычия), а также общности исторической судьбы. Длительное проживание в едином регионе¹ и особенно этногенеза наложили отпечаток на культурогенез и менталитет представителей данной этнорегиональной общности², благодаря чему они осознают себя отдельным этносом. Если исходить из определения «этнос», данного известным российским этнопсихологом Т. Г. Стефаненко, то под ним понимается «устойчивая в своем существовании группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие» [10, с. 32]. В качестве таковых могут выступать не только язык, религия, материальная и духовная культура, но и такие факторы, как историческая память, нормы и ценности, представления о родине и родной земле, особенности традиционной культуры и др.

С учетом того, что «литовские татары» обладают собственным самосознанием и им присущи свои этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки, они вписываются в рамки данного определения. Все это дает основание считать «литовских татар» отдельным этносом наряду с татарами других регионов (поволжскими, крымскими, сибирскими).

¹ С XIV и до конца XVIII в. – в ВКЛ, Речи Посполитой, с конца XVIII в. – часть татарского населения оказалась в пределах Российской империи.

² В зависимости от затрагиваемого в данной работе исторического контекста автор использовал по отношению к «литовским татарам» следующие термины: «этнос» (как результат исторического процесса их формирования), этнорегиональная общность или группа (при указании на регион проживания данной общности относительно других групп татар), этническая общность (при указании на татар, живущих в Республике Беларусь).

Для обозначения указанной этнорегиональной общности И. Б. Канапацким и А. И. Смоликом предложен термин «западные татары» [3, с. 4], который, на наш взгляд, вполне удачен, поскольку в нем, с одной стороны, делается акцент на регионе их проживания относительно остальной части и ядра татарского этноса, а с другой – отражается характерная для них особенность в области языка, культуры и ментальности (по принципу дихотомии «западные – восточные»).

В конце XX в. ввиду исторических обстоятельств некогда в целом единый этнос оказался в пределах трех самостоятельных государств – Беларуси, Литвы и Польши. Несмотря на то что между этими группами татар вплоть до недавнего времени сохранялись тесные родственные контакты (которые поддерживаются и сейчас), тем не менее в результате местной специфики и особенностей развития в рамках каждого из государств ее представители стали идентифицировать себя с учетом языковой и гражданской идентичности – «белорусские татары», «литовские татары» и «польские татары».

Этнокультурный феномен и уникальность «западнотатарской» общности заключаются в том, что, казалось бы, полностью утратив многие значимые этнические составляющие (родной язык, особенности материальной и духовной культуры), они, проживая более 600 лет в иноэтничном и иноконфессиональном пространстве, сохранили свою религиозную принадлежность, этноним и специфику обрядовой практики, сформировав у себя этнорегиональную идентичность. Загадка причин сохранности этой общности и факторов, оказавших на них влияние, вызывает непрекращающийся интерес со стороны ученых разных дисциплин, которые пытаются найти собственное объяснение существующему феномену.

Научных трудов по изучению «литовских татар» издано немало. Значительное количество публикаций белорусских и зарубежных авторов посвящено истории поселения татар в ВКЛ, их правовому статусу и вопросу происхождения, уникальной религиозной рукописной традиции – арабографическим текстам, а также мечетям, мизарам и т. д. Отдельных монографий, где изучалась бы тема материальной и духовной культуры «литовских» и «белорусских» татар, нет, но существуют разделы в книгах и статьи, где отражены их хозяйственная деятельность, традиционные занятия, быт, национальная кухня (С. Кричинский, П. М. Шпилевский, В. Ф. Вольский, И. Б. Канапацкий, А. И. Смолик, С. В. Думин, В. Н. Белявина, Т. А. Новгородский и др.), религиозные тексты, история конфессии и мечетей (М. В. Тарелко, И. А. Сынькова, Е. И. Титовец, А. Я. Коршунова, А. И. Локотко, А. Вл. Гурко, А. Викт. Гурко, В. В. Шейбак и др.). Сведения о татарах Беларуси даются в общем ключе без их дифференциации по двум общностям – «белорусские татары» и «татары диаспоры», что не позволяет рассмотреть этнокультурные особенности, характерные для каждой из этих общностей.

Малоизученной является проблема идентичности этнической группы «литовских татар», в том числе в современных условиях ее разделения между тремя государствами. Среди авторов, которые исследовали проблему идентичности «литовских татар», можно назвать М. Червонную, В. Ольшевского, Г. Мишкинене, Т. Барасаускайте. Совершенно неизученным остается вопрос об основах идентичности «белорусских татар».

Развитие татарской этнической общности на землях ВКЛ и Речи Посполитой имело свою историю и особенности, что способствовало формированию у них собственной устойчивой этнокультурной идентичности и этнорегионального самосознания. По мнению белорусских историков, процесс формирования «западнотатарской народности» завершился в XVI в. [2; 3, с. 3]. В результате сложившихся исторических условий и процесса внутреннего размежевания «литовских татар» в рамках каждого из государств постепенно стали формироваться самостоятельные этнокультурные общности. Одни ученые связывают данный процесс с началом XX в. [7, с. 5–8], другие убеждены, что «по всем параметрам самосознания, материальной и духовной культуры польско-литовско-белорусские татары и сегодня составляют интегральное единство – один и тот же народ» [11].

Исследователи подчеркивают важность изучения проблемы идентичности данной общности татар и одновременно отмечают существующие в этой области лакуны, которые связаны с отсутствием антропологических исследований. Применение количественного метода для изучения указанной проблемы, как показывает опыт предыдущих ученых [11], не позволяет получить

репрезентативные данные, а отсутствие этнопсихологических, антропологических и других значимых ракурсов рассмотрения, качественных методов исследования не дает возможности представить системный взгляд на проблему идентичности белорусских, польских и литовских татар. Отметим, что проблема этнокультурной идентичности белорусских татар, восприятие и характер их взаимодействия с другими татарами до настоящего времени остаются совершенно неисследованными.

Цель статьи – изучение особенностей этнокультурной идентичности белорусских татар на современном этапе через содержание образов «Свой» – «Другой» и понятий «родина» и «историческая родина».

Настоящая работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2021–2025 гг. у представителей двух общностей татар – «белорусских татар» и «татар диаспоры», живущих в Беларуси. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот [8]. Их сбор осуществлялся в Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Брестской областях и г. Минске. В ходе полевых исследований опрошено 85 человек.

На основе анализа данных, полученных в результате проведенного автором этносоциологического опроса, представлены результаты исследования по вопросу о содержании и значимости для белорусских татар собственной этнокультурной идентичности. В ходе исследования применялись различные методы: личного наблюдения (включенного и невключенного), опрос в форме глубинного автобиографического интервью, экспертные интервью и др. Использование качественных методов исследования показало свою эффективность как при изучении белорусской диаспоры, так и этнических общностей Беларуси [4; 5]. Применение данной методики позволило системно и глубоко рассмотреть особенности идентичности и форму взаимодействия, характерные для двух изучаемых общностей татар. Изложенные в статье фрагменты интервью позволяют прочувствовать исследуемую проблему изнутри, показать ее глазами самих белорусских татар.

1. Содержание понятий «белорусские татары» и «татары Беларуси». Прежде всего следует уточнить содержание используемых нами понятий, которые употребляются для обозначения двух изучаемых общностей татар. Поскольку одним из объектов нашего исследования являются местные татары, проживающие в Республике Беларусь, то термин *белорусские татары* применяется для обозначения этой этнорегиональной группы, представители которой именно так идентифицируют себя. Они относятся к коренному населению, так как являются потомками татар, осевших на белорусских землях более 600 лет назад.

Если кратко представить этногенез указанной этнорегиональной группы, являющейся ядром западнотатарского этноса (с учетом ее преобладающего численного состава), то, согласно исследованиям историков, татарское население в ВКЛ сформировалось из различных групп: 1) оседлых наемников, которых с начала XIV в. великие литовские князья приглашали для несения воинской службы, а также для участия в воинских походах и защиты государства; 2) служилых татар хана Тохтамыша и членов их семей (бежавших в ВКЛ от возмездия Тамерлана), которых в 1397 г. великий князь литовский Витовт поселил на белорусских землях; 3) выходцев из Золотой Орды, среди которых были как добровольные переселенцы, уставшие от междоусобиц, так и пленные, захваченные в ходе военных конфликтов и походов и поселённые на землях ВКЛ. Складывание ядра этнорегиональной общности «литовские татары» происходило во времена великого князя литовского Витовта на рубеже XIV–XV вв., когда была основана большая часть татарских поселений в ВКЛ. Память об этом государственном деятеле до настоящего времени сохраняется у белорусских татар, которые продолжают чтить его в своих молитвах.

«В воспоминаниях ивьевских татар, в китабах, молитвах и даже на дощечке в ивьевской мечети показывается, прописывается, что татары славят великого Ватада (имя Витовт по-татарски. – Е. К.). У нас есть такая дощечка на мечети. Там написано, что начало ивьевской общине положил именно великий князь Витовт...» [8: Р.А.М., г. Ивье].

Татары Беларуси, в отношении которых нами используется понятие «*татары диаспоры*», – это представители татарской национальности, переехавшие в Беларусь в основном из Татарстана и Башкортостана в советский и постсоветский периоды. Среди них много военных и членов их семей (которые после расформирования западной группы войск оказались в Беларуси), а также

высококвалифицированных специалистов в разных областях. Формирование здесь татарской диаспоры происходило в том числе в результате межреспубликанской миграции и межнациональных браков. Нередко по отношению к татарам диаспоры употребляется выражение «*пришлые татары*», поскольку местные татары относят себя к коренному населению Беларуси по праву давности проживания на этих землях. Так себя иногда называют и сами респонденты, поскольку для них родиной является Россия и/или страна происхождения.

В основе имеющего место деления живущих в Беларуси татар на две общности лежит не только временной или исторический фактор, связанный с длительностью их проживания на данной территории, но и различия в области этнокультурной идентичности, а также осознание себя как разных этнических общностей. У белорусских татар стержнем этнической идентичности является мусульманство (ислам). Основанные ими в конце 1980 – начале 1990-х гг. общественные объединения имели главным образом религиозно-образовательный характер, в то время как организации, созданные татарами диаспоры в конце 1990-х гг., представляют собой этнокультурные объединения, целью которых является продвижение в этом пространстве татарского языка и национальной культуры (поволжских) татар.

2. Способы самоидентификации белорусских татар в контексте религиозной и этнокультурной идентичности. У белорусских татар этническая идентичность нередко приравнивается к религиозной: «татарин равно мусульманин». На вопрос: «Кто для вас “Свои”: люди той же национальности или одной с вами веры?» они довольно часто выбирали второе, что вполне объяснимо, так как для них понятия «татарин» и «мусульманин» зачастую синонимичны.

«По национальности я – белорусский татарин. И папа, и мама – татары. Я, получается, чистокровный мусульманин» [8: Ш.Я.Б., г. Ивье, Гродн. обл.].

«Для нас главное всего религия. Важно признавать себя татарами, но для нас важна религия. 20 мечетей по всей Белоруссии (на белорусских землях. – Е. К.) держались только на религии. В основном была религия, религия, религия. Этническое самосознание сохранялось, и сейчас мы его сохраняем» [8: Б.С.М., г. Слоним, Гродн. обл.].

«Я – татарка и муж татарин. Конечно, мне хотелось выйти замуж за своего. Свои для меня – это по вероисповеданию, не по этнической принадлежности» [8: И.Э.А., г. Ивье, Гродн. обл.].

При транслируемой детям установке, что при выборе брачного партнера прежде всего нужно учитывать религиозную принадлежность, тем не менее значимость собственной этничности тоже признается важной, в том числе для той части представителей молодого поколения, которая старается придерживаться основных требований ислама.

«Для меня этничность – это мои корни. Для меня это очень важно. Это все, из чего строится моя личность. Я без этого себя не представляю. В Ивье я чувствую себя на месте. Рядом с мечетью или, например, на мизаре (на кладбище) я чувствую, что это место силы. Это не оторвать от меня» [8: И.С.С., г. Ивье, Гродн. обл.].

Для значительной части старшего поколения респондентов помимо религиозной принадлежности татарская этнорегиональная идентичность представляется также очень значимой. Именно она позволяет определить круг «Своих» и «Других». Своими они считают в первую очередь белорусских татар, а потом соотечественников в Литве и Польше, с которыми они длительный исторический период вместе сосуществовали, с которыми поддерживают родственные отношения.

«Татары Литвы, Польши и Беларуси в целом – это одно, но проживание в какой-то определенной местности накладывает какой-то свой отпечаток, какие-то свои особенности, традиции. Они нам близки, поскольку там родственники» [8: Р.З.М., а/г Озерцо, Витебск. обл.].

«Татары литовские, польские, белорусские – это один народ. Мы один народ. Различаются они разве что языком. Происходило взаимопроникновение, есть родственные контакты» [8: К.А.М., г. Лида, Гродн. обл.].

По сведениям респондентов, татары из Литвы (реже упоминаются татары из Польши) стараются приезжать в Беларусь на мизары в установленные поминальные даты, которые они воспринимают как места родовой памяти. До закрытия границ между государствами некоторые из них завещали своим детям и внукам похоронить их на земле предков – на том мизаре, где похоронены их родители, дедушки и бабушки. Ощущение себя как части общности «белорусские татары»

не в широком, а в узком смысле связывается ими с «зовом предков, зовом крови» [8: Ш.Х.А., (Шумил. р-н), г. Глубокое, Витебск. обл.].

«Из Литвы [на мизар] тоже татары приезжают. Там в Сорок татар живет дочь одной татарки из Ивье» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

«К нам на мизар татары приезжают из разных мест. И из Литвы туда приезжают, там много их родственников похоронено. У нас, в Амбросовичах, дни памяти – это последняя суббота июня. В Докищах – июль. <...> Дни памяти в установленные дни – это чтобы можно было посетить разные кладбища, родственники знают дату и приезжают. Из Литвы приезжала моя двоюродная сестра. Там у нас много родственников. Сейчас, правда, сложнее стало с проездом, но они стараются приезжать» [8: Р.З.М., (Шумил. р-н), а/г Озерцо, Витебск. обл.].

«У меня по отцовской, да и маминей линии, много родственников в Литве» [8: Ш.Х.А., (Шумил. р-н), г. Глубокое, Витебск. обл.].

Осознание единства западнотатарской этнорегиональной общности основывается на исторически установившихся тесных родственных отношениях между татарами данного региона, общих культурных традициях и народно-религиозной обрядности, а также на использовании славянского языка (белорусского, польского) в качестве родного. Процессы в области этногенеза и культурогенеза у татар этого, по сути, единого пространства во многом схожие, в результате чего сформировалась своя этнорегиональная идентичность. После установления границ между государствами родственные контакты несколько ослабли, но все же продолжают сохраняться и в настоящее время, что подпитывает чувство общности. Но в большей степени ощущение этнорегиональной общности поддерживается благодаря многочисленной научной и научно-популярной литературе о их общих корнях и судьбе.

В результате проживания в разных странах в ином этническом, языковом и идеологическом пространстве (под влиянием которого формируются свои ценностные установки, культура общения и чувство общности) у татар каждого из государств сформировалась своя национальная (гражданская) идентичность. Живущие в Беларуси татары четко идентифицируют себя как «белорусские».

«Я – коренная ивчанка. Родилась в Ивье. <...> Мои родители и дедушки с бабушками тоже здесь родились. Здесь уже проживает несколько поколений моих родственников. Я – белорусская татарка. Когда-то нас – белорусских, польских, литовских татар – называли ліпки. Ну, так как мы уже живем в разных государствах, то я белорусская татарка» [8: В.А.М., г. Ивье, Гродн. обл.].

«Я – просто татарин. Но если сейчас, с учетом границ, то я – белорусский татарин, а пока не было границ, то и различий не было. Раньше были ліпки, правда, там идет от другого значения» [8: С.С.С., г. Минск].

«Литовские татары – это нация, которая разделена на три государства. Конечно, различия есть даже в менталитете польской части белорусских татар» [8: К.Э.Э., г. Гродно].

С учетом страны проживания, языковых различий и культурных особенностей респонденты дифференцировали себя и своих соотечественников в соответствии с государственными образованиями, в которых живут «белорусские татары», «польские татары» (нередко их называли просто «поляки»), «литовские татары». Особо подчеркивалась в этом вопросе роль школьного образования, когда человек формируется как личность, когда на основе идеологии прививаются традиционно значимые для населения данного государственного образования ценности.

«Свои – это люди, с которыми можно говорить на темы той же самой религии, не церемонясь, не особо выбирая слова. Например, когда ты говоришь, что у нас есть китабы, мечети, имамы, Коран, то для них это не простой звук, тогда это свои. Но если смотреть совсем узко, то, безусловно, свои для меня – это белорусские татары, причем даже литовские и польские в этом плане как-то дистанцированы... Если брать мои личные ощущения, то я не чувствую какой-то большой близости с ними (литовскими и польскими татарами. – Е. К.). Но я знаю, что есть белорусские татары, которым близки и польские, и литовские татары, они больше с ними контактируют. Это восприятие отчасти в связи с литературой. Но сказать, что у нас общность не разлей вода – тоже нет, потому что мы в разных странах живем, нас по-разному воспитывают, в плане идей нам дают разные “прошивки” (это школа)» [8: В., г. Минск].

«По национальности я – татарка. Но сейчас в паспорте национальность не пишется. А перепись давно была. Тогда я, кажется, записывалась как белорусская татарка. Вроде так говорила, но уже не помню. Есть татары, которые приехали из Казани» [8: Ш.Т.И., г. Слоним, Гродн. обл., г. Минск].

Таким образом, особая значимость в этнокультурном коде белорусских татар религиозной идентичности, которая в комплексе со спецификой в религиозно-праздничной обрядности, особенностями в области национальной кухни, признанием белорусского языка в качестве родного, а Беларуси – в качестве своей единственной Родины составляет основу самосознания и этно-региональной идентичности «белорусских татар».

3. Восприятие белорусскими татарами других татар через содержание образов «Свой» – «Другой». Поскольку в самосознании белорусских татар религиозная идентичность занимает основополагающее место, то все мусульмане автоматически причисляются к категории «Свои». Детей, родившихся в браке с представителем другой конфессии, называют *«мешанцы»*. Тем не менее понятие «Свои», поскольку конфессиональная общность включает мусульман иных национальностей, дифференцируется в зависимости от степени культурной близости.

«Сын иногда ходит в мечеть в Минске, а так он работает за границей. Так когда он в мечеть идет, то я его спрашиваю: “Там были наши татары?”. Я имею в виду именно белорусских татар, наших. Там ведь есть и арабы, и африканцы. Там же есть и казанские, и другие татары, которые живут в Беларуси. (На встречный вопрос: “А их как вы называете, этих переселенцев оттуда?”) Но они не белорусские татары. Они между собой разговаривают на своем языке, а мы же на белорусском. Я не понимаю, что они говорят. Башкиры так башкиры, крымские татары... Но это уже не наши. Может быть, по религии мы и одинаковые, но у них все совсем другое, другой уклад. Наши татары – это те, кто из Клецка, Слонима, Узды, Новогрудка и другие» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

Из ответа на уточняющий вопрос: «Что же важнее – уклад или религия?» следует, что в понятие «Свои» белорусские татары в первую очередь включают не просто мусульман, а единоверцев со схожим менталитетом, системой ценностей, культурными и народно-религиозными традициями и т. д.

«Но мусульмане есть и арабы, и африканцы. Белорусские татары – это наши. Уклад является важным. У тех и менталитет совершенно другой» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

Несмотря на принадлежность к единой этнической и религиозной общности, татары диаспоры по ряду принципиальных признаков воспринимаются белорусскими татарами довольно удаленно, как «Другие». Особенности этногенеза, историческое развитие, языковые различия и приобретенные в ходе интеграции в белорусское социокультурное пространство специфические черты в области традиционной культуры и быта увеличивают культурную дистанцию между белорусскими татарами и татарами диаспоры, что побуждает их конкретизировать понятие «Свои». Следует отметить, что такое же отношение характерно и для татар диаспоры.

«Свои для меня – это белорусские татары, все остальные татары мне кажутся чужими» [8: П.Г.И., (г. Светлогорск, Гомел. обл.), г. Минск].

«Не могу сказать, что для меня татары, которые в Татарстане и других регионах, или что те территории для меня что-то значат. Я тут родился. Они же нас не признают. Они говорят: “Вы свой язык не знаете, какие же вы татары!”. Я некоторым объясняю, какие мы, и спрашиваю у них: “А ты молитву делаешь, намаз делаешь?” – “Нет, не делаю”. – “Так тогда какой ты татарин!”. Я язык утерять, потому что у наших предков не было общения. Татары работали с кожей, куртки, тулупы овечьи вырабатывали. Поскольку конкурентов не было, они выезжали по деревням и там расселялись, а потом всю округу одежали. Вот почему и они раскиданы по разным деревням по несколько человек» [8: Я.А.М., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«Я был на трех-четырех всесоюзных мероприятиях. Там были разные нации: и казахи, и татары, в том числе казанские. Я одному говорю, что я белорусский татарин, он говорит: “Ну и что, а я русский/российский татарин” (в смысле из Казани). Мы разговаривали друг с другом только на уровне руководителей. Особой теплоты я не почувствовал. Да и здесь мы друг с другом в обним-

ку не ходим, но относимся друг к другу уважительно. Уважительность я всегда ощущаю» [8: Я.А.З., г. Узда, Минск. обл.].

Восприятие белорусскими татарами соэтников из других регионов дистанцированное, но здесь также присутствуют свои нюансы. С учетом особенностей этногенеза «литовских татар» часть респондентов, на основании почерпнутых ими сведений из книг, говорила о большей их исторической близости к крымским татарам.

«Я считаю, что [“литовские татары”] это крымские татары, выходцы из Крыма. Хан Тохтамыш повздорил с ханом Золотой Орды и ушел в Среднюю Азию, а потом оттуда пришел сюда» [8: Ш.И.М., г. Ивье, Гродн. обл.].

«Я – белорусская татарка. Считаю, что белорусские татары это те, которые корнями здесь, которые отсюда произошли, которые остались здесь еще со времен Витовта. К нам сюда, примерно в XVII–XVIII вв., точно не знаю, приезжали еще крымские татары. <...> То есть белорусские татары это те, кого Витовт пригласил на [военную] службу, и еще крымские татары, которые переезжали в ВКЛ» [8: П.Г.И., г. Минск].

«Мы больше крымские татары, я по архиву посмотрела, что наши татары за документами больше ездили в Симферополь, Крым, позже – в Питер» [8: Р.А.М., г. Ивье].

Представители другой части респондентов, не вдаваясь в дискуссию, делали акцент на общности «литовских татар».

«Трудно сказать, мы из каких татар. Есть очень много толкований. Столько всяких книг написано» [8: К.А.А., г. Узда].

«Кто-то считает, что мы астраханские татары, потому что у нас волосы не черные, а несколько рыжеватые, а кто-то говорит, что мы крымские татары. Мы – белорусские татары. Литовские и польские татары нам ближе, потому что там родственники. Когда были “сезды”¹ мы свободно проезжали. Там знакомились и женились. Отсюда много наших девушек увозили в Литву. Контакт с другими татарами у нас нет, и родственных связей с ними тоже нет» [8: Я.А.М., г. Глубокое, Витебск. обл.].

И действительно, в отечественной научной литературе существуют две основные точки зрения о происхождении белорусских татар. Сторонники одной из них соглашаются с тем, что живущие на белорусских землях татары пришли сюда разными путями со степей Поволжья и Крыма [3, с. 3]. Но в последние годы историки больше склоняются к тому, что белорусские татары – это «наследники крымских татар, поселившихся на белорусских землях шесть веков назад» [9, с. 24].

Как отмечалось выше, в вопросе этнокультурной идентичности для белорусских татар важными являются религиозная принадлежность и соблюдение своих религиозных традиций (*китабы*, *хамаилы*, *далавары*; коллективное посещение мизаров с раздачей *садаги* и т. д.), доставшихся им от предков. Несмотря на то что значительная часть религиозных традиций вписывается в понятие «народный ислам», тем не менее они также выступают в качестве одной из важных составляющих их этнорегиональной идентичности. Поддержание белорусскими татарами собственного этнического самосознания, по мнению респондентов, зависит прежде всего от сохранения религиозной принадлежности, заключения моноэтнических/моноконфессиональных браков, осознания значимости своих корней/генеалогии.

«Есть отличия менталитетов (между двумя группами татар – “белорусскими” и “казанскими”). – Е. К.). И вообще это разные этнические группы, которые сильно различаются. Те татары более эмоциональные... а наши более толерантные, более спокойные... Наверное, в течение веков внешняя социальная среда наложила отпечаток и на их менталитет. Я думаю, что так. В вопросе о характерных чертах белорусских татар всё опять же возвращается к исламу как их главному идентификатору. У них (белорусских татар. – Е. К.) многие признаки были потеряны. Не было общности языка, общности экономики. Мы знаем определение нации. Политической общности точно не было. Вот этот ислам, и не обязательно его соблюдение, вот он, наверное, и был самой главной отличительной чертой белорусских татар. Что касается черт ха-

¹ В данном контексте «сезды» – это организованные встречи представителей татарской молодежи из различных регионов, которые устраивались с целью знакомств.

рактера, то разные люди, разные и характеры. Они (белорусские татары. – Е. К.) практически ничем не отличающиеся от белорусов. Я не могу назвать черты характера, которые бы отличали их от белорусов. Даже кухня [та же], кроме разве что гальмы (сладкое блюдо из меда, муки и сливочного масла. – Е. К.) и перекачеников (пирог/рулет, скрученный в виде улитки с мясной или сладкой начинкой – яблоки, изюм и др. – Е. К.), хотя последние, наверное, есть и у белорусов. Это, пожалуй, все. Одной из отличительных черт является генеалогия, которая на самом деле сохранялась. Моя бабушка, дожившая до 98 лет (1921–2019 гг.), когда к ней кто-то приезжал [из местных татар], спрашивала: «А Вы чьи?». И она сразу все могла сказать, из какого рода человек. Это все очень ценилось, может быть потому, что другого не было» [8: В., г. Минск].

Лишь один из респондентов, у супруги которого в свое время бабушка с дедушкой переехали из Татарстана в Беларусь, сказал о том, что в принципе различий между двумя этими группами он не видит и «по большому счету это один и тот же народ, разделенный на 600 лет». Имеющая место дистанцированность с восточными татарами, по его мнению, объясняется тем, что с ними не было тесных контактов и, соответственно, «с ними нет истории личностного общения. Вот это основное» [8: К.Э.Э., г. Гродно].

Если не считать такого рода ответы, являющиеся исключением, то очевидно, что при идентификации себя как отдельного этноса респонденты основываются на следующих факторах: продолжительность проживания на белорусских землях; особая роль мусульманской религии как этнодифференцирующего (в рамках полиэтнического общества) и этноцементирующего (в рамках складывания этнорегиональной общности) факторов; общность исторической судьбы и роль их предков в истории и социальной структуре этого государства; тесные родственные контакты между татарами данного региона; общие процессы в области социально-экономического и культурного развития; полная интеграция в местную социокультурную среду, в результате которой присущий местному населению менталитет стал неотъемлемой чертой их собственного самосознания. Данный вопрос – тема отдельного исследования, в связи с этим приведем лишь два примера.

«Мне кажется, что татары тоже такие, как белорусы. Настолько за эти шесть веков все переплелось, мы проросли друг в друга. На мой взгляд, кроме религии, татар от белорусов ничего не отличает. Я себя чувствую комфортно и в той, и в этой среде (и среди белорусов, и среди татар. – Е. К.). Это мое личное мнение» [8: Ш.Т.М., г. Ивье].

«У белорусских татар Родина уже – Беларусь. Они по предкам считаются татарами, но многие из них считают себя белорусами» [8: Ш.И.Р., г. Минск].

Таким образом, по этнокультурному признаку в категорию «Свои» респонденты включают прежде всего белорусских татар, затем литовских и польских татар. В категорию «Свои» они включают также белорусов ввиду общности языка, традиционно-бытовой культуры и менталитета.

4. Восприятие белорусскими татарами понятий «родина» и «историческая родина». С учетом того, что «литовские татары» (соответственно, и белорусские) являются частью татарского суперэтноса, сформировавшегося на отдельной территории, респондентам были заданы вопросы с целью определения значимости для них татар других стран и регионов, степени взаимодействия с ними и отношения к ним, восприятия ими тех территорий, где происходил исторический процесс формирования татарского этноса, понятий «родина» и «историческая родина».

Результаты опроса показали, что те из белорусских татар, которые побывали в Казани и/или имели возможность контактировать с казанскими татарами, чувство этнической близости и родства не испытали в силу ряда обстоятельств, поскольку обычно белорусские татары оказываются в ситуации, когда им нужно доказывать свое право называться татарами. Местные татары дистанцируются от казанских татар, в том числе по происхождению, и считают бессмысленными попытки созданных в Беларуси татарских этнокультурных организаций приобщить их к татарскому языку и культуре.

Более дистанцированное восприятие белорусскими татарами всех других татар (кроме «литовских») связано не только с языковыми и культурными различиями между ними и волгоуральскими, а также другими татарами, но и с различиями в менталитете, в содержании понятия «Родина» и др. Часть респондентов (разных социальных слоев, в том числе с высшим образо-

ванием) сознательно не связывала происхождение белорусских татар с каким-либо историко-географическим регионом, кроме ВКЛ. На вопросы: «Для Вас татары Татарстана, Крыма свои?», «Эти территории для Вас что-то значат?» были получены следующие ответы.

«Скорее нет. Мы скорее идентифицируем себя как отдельную группу белорусских татар. Мы не имеем общего с татарами Крыма, непосредственно мой род, моя фамилия: Ильясевич, Смольская (бабушка), Якубовская (прабабушка), Базаревич и др. Все наши фамилии – это собственно татары, которые приехали в Беларусь давно и не из Крыма, и не из Татарстана. Сложно сказать, откуда приехали, но с татарами Татарстана и Крыма мы себя не идентифицируем». При этом респондент уточнила, что к татарам Литвы и Польши у нее скорее другое отношение, поскольку *«эти татары были рука об руку с теми предками, которые приезжали сюда на эти земли. Они приехали в ВКЛ, а там уже кто где остался»* [8: К.А.Б., г. Минск].

«У нас родственные отношения с татарами Польши и Литвы. Был такой ученый Ибрагим Канапацкий. Так он придумал такое название, как западные татары. Ну а как нас назвать?! Нас пытались с кем-то идентифицировать, под какие-то рамки загнать, но мы отдельная нация. Есть же такое решение ЮНЕСКО: если какой-то народ прожил на одном месте 500 лет, то его можно считать коренным. Мы за 600 лет здесь укоренились. Не знаю, могу ли я так говорить, но появилась особая нация – западные татары. Прожив здесь столько лет, я себя не могу назвать ни казанским, ни крымским татарин» [8: Ш.И.М., г. Ивье].

Респонденты нередко называют татар диаспоры «российскими татарами». На вопросы: «Как называть тех татар, которые переехали сюда в XX–XXI вв. и уже довольно долго живут здесь?», «Можно ли считать татар, которые сюда приехали из Казани и других регионов и живут здесь по 30–40 лет, белорусскими татарами?», «Можно ли считать белорусскими татарами их детей, которые родились здесь?» и т. д. респонденты давали однозначные ответы.

«Вот из той местности, откуда приехали, они так и должны называться, например, татары Поволжья. Они же ими и останутся. И если они женятся между собой, то какое отношение они будут иметь к белорусским татарам! Дело в том, что когда мы на курсах с [другими] татарами общались, то они четко говорят, что они поволжские татары. А здесь я общаюсь только с белорусскими татарами, других не знаю» [8: П.Г.И., г. Минск].

«Я думаю, что они себя не относят к белорусским татарам» [8: Д.А.И., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«Мы – белорусские татары, а они – восточные татары. Они пришли на наши земли, а не мы на их. В это понятие я включаю всех татар» [8: Б., г. Слоним].

Некоторые местные татары проявляли интерес к живущим в других регионах соотечественникам. Часть респондентов, которые придерживаются гипотезы о происхождении «литовских татар» от крымских, также не считают ту территорию своей исторической родиной.

«Для меня те татары ничего такого особого не значат. Особое отношение у меня, наверное, только к своим. У нас корни отсюда, и для нас это все больше родное. Крым нам ни о чем не говорит. Но интересно посмотреть на крымских татар, на разные традиции, но не более того. Мы – белорусские татары» [8: Д.А.И., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«У меня к тем территориям нет никакого особого отношения. Есть интерес чисто на познавательном уровне, что просто мы оттуда. А так чтобы какой-то тяги к той территории, то нет. С казанскими татарами у нас нет какого-то родства на генном уровне, чтобы это нами ощущалось. Ну, татары. Я недавно увидел ролик, что на территории России живет 10 этнических групп татар: крымские, казанские, саратовские, астраханские, сибирские, пермские, башкирские и др. <...> Они разговаривают на татарском языке, а мы такая отдельная нация. Особое отношение у меня к белорусской территории» [8: Ш.И.М., г. Ивье].

Одним из важных маркеров, на основании которого белорусские татары причисляют себя именно к западнотатарской, а не иной этнической общности, является признание страны в качестве своей Родины. Белорусские татары своей Родиной считают только Республику Беларусь, не рассматривая какие-либо другие регионы в качестве своей исторической родины, в то время как для татар диаспоры родиной является Россия и/или страна происхождения, а Беларусь воспринимается ими как вторая родина.

Заклучение. С XIV в. татары являлись частью этнической палитры ВКЛ. Формирование западнотатарского этноса – это результат длительного процесса евразийского этногенеза. В результате воздействия иноэтнической среды и социокультурных факторов, на протяжении нескольких столетий определявших жизнь и деятельность его членов, в культурном коде данной этнорегиональной общности произошли значительные изменения, выразившиеся в осознании ими собственной этнокультурной идентичности. У них сложились свои способы самоорганизации жизнедеятельности этносообщества (с опорой на религиозные и социальные институты) и были выработаны свои механизмы сохранения этнической идентичности.

В основе этнорегиональной общности «белорусские татары» – не только языковые и культурные особенности, но и представления о присущих им ценностях и отличительных признаках, особенностях модели поведения и черт характера. Из ответов респондентов следует, что они более дистанцированно воспринимают «восточных» татар. Это в значительной степени связано с попытками навязывания белорусским татарам казанскими татарами своего языка, культуры и опасностью быть ими «переваренными» в культурном плане. В сложившихся условиях такие этнокультурные маркеры, как этнический язык и традиционная культура играют не консолидирующую, а дезинтегрирующую роль ввиду сложившихся принципиальных различий в данных областях. У каждой из этих двух общностей татар сформировался свой образ прошлого и настоящего.

Значительное влияние на местных татар оказали белорусские традиции, язык, фольклор, модель поведения и историческое прошлое, что вполне понятно, учитывая более чем 600-летнее тесное взаимодействие с местным населением на разных уровнях. И все же белорусским татарам удалось пронести через более чем шесть веков особенности своей этнокультурной идентичности (в народно-религиозной обрядности и письменной традиции, семейной обрядности (особенно поминальной), кухне и др.). Многовековое совместное и бесконфликтное проживание местных татар с белорусами, отличающимися своей этноконфессиональной толерантностью, признание ими Республики Беларусь своей исторической и единственной Родиной, а белорусского языка – своим родным языком, следование принятым в этом социокультурном пространстве ценностям, установкам и моделям поведения – все это лежит в основе включения ими белорусов в категорию «Свои» и формирования у белорусских татар устойчивой национальной (гражданской) идентичности.

Список использованных источников

1. Вольскі, В. Ф. Беларускія элементы ў бытавой абраднасці літоўскіх татар / В. Ф. Вольскі // Наш край. – 1929. – № 8–9. – С. 23–29. – URL: https://istp2012.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/01/volskij_obrjad.pdf (дата звароту: 17.10.2024).
2. Думін, С. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. – Мн.: Полымя, 1993. – 206 с.
3. Канапацкі, І. Б. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мн.: Бел. ун-т культуры, 2000. – 258 с.
4. Квилинкова, Е. Н. Башкиры в Беларуси: этнокультурная идентичность сквозь призму межэтнического взаимодействия / Е. Н. Квилинкова. – Мн.: Бел. навука, 2026а. – 254 с.
5. Квилинкова, Е. Н. Татары Беларуси: этнокультурные маркеры и идентичность / Е. Н. Квилинкова // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2026б. – № 1. – С. 16–26.
6. Мишкинене, Г. Очерк истории и культуры литовских татар / Г. Мишкинене // Диаспоры. – 2005. – № 2. – С. 40–61.
7. Ольшевский, В. Уровни идентификации польских татар в историко-этнологическом контексте / В. Ольшевский // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т; редкол.: Д. А. Мягков (отв. ред.) [и др.]. – Омск, 2011. – С. 5–8.
8. Квилинкова, Е. Н. Полевые материалы автора (ПМА) / Е. Н. Квилинкова // Материалы полевых исследований за 2021–2024 гг.
9. Смолик, А. И. Интеграция крымских татар в белорусское социально-культурное пространство / А. И. Смолик // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней: сб. материалов конф.: XLI Междунар. науч. чтения, Симферополь, 23–24 нояб. 2016 г. / Крым. федер. ун-т; под общ. ред. Д. С. Берестовской, И. А. Андрющенко, И. А. Курьяновой. – Симферополь, 2017. – С. 20–24.
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН: Акад. проект, 1999. – 320 с.
11. Червонная, С. М. Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс / С. М. Червонная // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 28–63.

References

1. Vol'ski V. F. Belarusian elements in the everyday life of the Litovsk Tatars. *Nash krai* [Our region], 1929, no. 8–9, pp. 23–29. Available at: https://istp2012.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/01/volskij_obrjad.pdf (accessed 17.10.2024) (in Belarusian).
2. Dumin S., Kanapatski I. *Belarusian Tatars: past and present*. Minsk, Polymya Publ., 1993. 206 p. (in Belarusian).
3. Kanapatski I. B., Smolik A. I. *History and culture of the Belarusian Tatars*. Minsk, Belarusian University of Culture, 2000. 258 p. (in Belarusian).
4. Kvilinkova E. N. *Bashkirs in Belarus: Ethnocultural Identity through the Prism of Interethnic Interaction*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2026a, 254 p. (in Russian).
5. Kvilinkova E. N. Tatars of Belarus: ethnocultural markers and identity. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija = Journal of the Belarusian State University. History*, 2026b, no. 1, pp. 16–26 (in Russian).
6. Mishkinene G. Essay on the history and culture of Lithuanian Tatars. *Diaspory* [Diasporas], 2005, no. 2, pp. 40–61 (in Russian).
7. Ol'shevskii V. Levels of identification of Polish Tatars in the historical and ethnological context. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: sbornik nauchnykh trudov* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia: collection of scientific papers]. Omsk, 2011, pp. 5–8 (in Russian).
8. Kvilinkova E. N. Author's field materials. *Field Research Materials for 2021–2024* (in Russian).
9. Smolik A. I. Integration of the Crimean Tatars into the Belarusian socio-cultural space. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik materialov konferentsii: XLI Mezhdunarodnye nauchnye chteniya (23–24 noyabrya 2016, g. Simferopol')* [The culture of the peoples of the Black Sea Region from ancient times to the present day: conference proceedings: XLI International scientific readings, Simferopol, November 23–24, 2016]. Simferopol, 2017, pp. 20–24 (in Russian).
10. Stefanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 320 p. (in Russian).
11. Czerwonnaja S. M. Fundamentals of the Lithuanian Tatars' identity: the historical basis and contemporary aspects. *Istoricheskaya etnologiya = Historical Ethnology*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 28–63 (in Russian).

Информация об авторе

Квилінкова Елізавета Ніколаевна – доктар історыі, доцэнт, галоўны навучны супрацоўнік. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: cvilincova@mail.ru. [https:// orcid.org/0000-0002-7168-8506](https://orcid.org/0000-0002-7168-8506)

Information about the author

Elizaveta N. Kvilinkova – D. Sc. (Hist.), Associate Professor, Chief Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: cvilincova@mail.ru. [https:// orcid.org/0000-0002-7168-8506](https://orcid.org/0000-0002-7168-8506)